

U $\frac{25}{2960}$

ВОСПОМИНАНІЯ

ОБЪ

ОТЦЪ ІОАННЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1909

01/25
42960

Е. К.

ВОСПОМИНАНІЯ

ОБЪ

ОТЦЪ ІОАННЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1909

Е. К.

ВОСПОМИНАНІЯ

ОБЩЕ

КОМУНІСТИ

ОТЪ ЮАННЪ

2007080161

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ, 13

1001

День въ Кронштадтѣ.

Въ день праздника Покрова Богородицы, въ 8 часовъ утра, я садилась на Петербургской пристани на пароходъ, отправляющійся въ Кронштадтъ.

О. Іоаннъ былъ тогда на зенитѣ своей славы и человѣку мало-мальски вѣрующему казалось въ то время невозможнымъ и почти чудовищнымъ прожить цѣлую жизнь одновременно съ нимъ и его не увидѣть...

Къ тому-же у меня была особая причина искать свиданія съ о. Іоанномъ; не исповѣдаться хотѣлось у него, а просто попросить его совѣта и мнѣнія. Я надѣялась застать еще обѣдню въ Кронштадтѣ; присутствовать при священнослуженіи о. Іоанна было моей давнишней мечтой. Я думала, что, быть можетъ, сегодня-же, сейчасъ... я его увижу. На пароходѣ, противъ всякаго ожиданія, было очень мало разговоровъ о немъ; паломники терялись въ пестрой толпѣ рабочаго люда; такимъ образомъ здѣсь я еще не увидѣла настоящаго «Кронштадта о. Іоанна».

Вдали показался берегъ съ колокольной церкви, которую я было приняла за соборную... Вотъ и пристань... Мы приѣхали. Собравъ свой негрозной багажъ, я двинулась съ толпой къ сходнѣ. Я не знала, что мнѣ предпринять и куда мнѣ ѣхать. Слѣдовало, разумѣется, въ виду цѣли моей поѣздки, отправиться прямо въ Домъ Трудолюбія, гдѣ есть и «чистыя комнаты» для желающихъ видѣть о. Іоанна; но я не знала этого тогда и даже почти обрадовалась, когда ко мнѣ подошла какая-то дамочка, прилично одѣтая и недурненькая собою, съ вопросомъ: «Не къ отцу Іоанну-ли я ѣду»? На мой утвердительный отвѣтъ, она мнѣ объявила, что «они держатъ комнаты для богомольцевъ», что «о. Іоанна ждутъ въ Кронштадтѣ сегодня вечеромъ» и «что онъ будетъ служить завтра въ соборѣ». Эта вѣсть меня чрезвычайно обрадовала и я послѣдовала за своей новой знакомой, предложившей мнѣ сѣсть въ омнибусъ, который, по ея словамъ, долженъ былъ подвести насъ къ мѣсту назначенія. Нѣсколько подобныхъ же дилижансовъ захватили другихъ пассажировъ. Я опять и тутъ себя вообразила, что вся публика ѣдетъ непременно къ отцу Іоанну...

Моя дамочка куда-то исчезла, когда мы тронулись; а за мѣсто съ меня взяли 10 коп.

Ѣхали мы по какимъ-то улицамъ, мимо церкви, оказавшейся костеломъ; городъ показался мнѣ чистенькимъ, но путь довольно длиннымъ; наконецъ мы поѣхали бульваромъ, въ концѣ котораго былъ уже виднѣнъ Андреевскій соборъ, весь бѣлый, довольно большой, съ синими со

звѣздами куполами. Всѣ мои спутники начали осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ.

На Соборной площади нашъ дилижансъ остановился; пассажиры высадились и разошлись кто куда... Я осталась одна, но, къ моему счастью, моя дамочка откуда-то опять вынырнула, сказавъ мнѣ, что «отсюда два шага до ихъ квартиры»; но я уже не всему вѣрила слѣпо и спросила ее: «не можетъ-ли дилижансъ довести насъ до дому?» Кучеръ согласился и мы вдвоемъ съ дамочкой поѣхали дальше. Тутъ я снова слышала, что о. Іоанна ждутъ вечеромъ, что онъ будетъ служить завтра въ соборѣ заутреню и раннюю обѣдню, а затѣмъ заѣдетъ къ нимъ.

Мнѣ выпало счастье, по ея словамъ, такъ удачно пріѣхать. Многіе такъ и уѣзжаютъ ни съ чѣмъ, что бываетъ очень грустно видѣть!

Она тоже сказала мнѣ, что у нихъ есть отдѣльныя комнаты для пріѣзжающихъ и вообще по всему казалось, что она сама хозяйка квартиры для богомольцевъ, но и въ этомъ я опять ошиблась. Когда мы доѣхали наконецъ до мѣста назначенія, деревяннаго, двухъ-этажнаго дома, на одной изъ близлежащихъ къ площади улицъ, поднялись по деревянной, крашеной лѣстницѣ во второй этажъ и остановились у двери съ вывѣской «квартира для богомольцевъ» и когда эта дверь передъ нами раскрылась, моя спутница передала меня на руки настоящей хозяйки квартиры, а сама ступсывалась.

Я узнала потомъ, что она кухарка при этомъ помѣщеніи.

Хозяйка ввела меня въ комнату, болѣе всего похожую на молельню, и предложила мнѣ устроиться тутъ, предупредивъ меня однако, что мнѣ придется раздѣлить ее ночью съ другой прїѣзжей дамой. Все удовольствіе будетъ стоить подтиникъ.

Дѣлать было нечего: я согласилась. Гдѣ мнѣ было искать другую квартиру въ незнакомомъ городѣ? Къ тому же, въ своемъ «паломничествѣ» въ Кронштадтѣ, я была не прочь отъ нѣкотораго подвижничества... Отступать передъ нимъ—мнѣ казалось малодушнымъ.

Въ углу комнаты стоялъ большой кіотъ съ иконой Божьей Матери; другіе образа висѣли по стѣнамъ и тутъ же были кружки для сбора пожертвованій съ различными ярлыками и портреты о. Іоанна. На коврѣ, передъ иконой стоялъ большой церковный подсвѣчникъ; лампы горѣли и въ этотъ дневной часъ, издавая запахъ горѣлаго масла по всей квартирѣ.

Я не хорошо понимала, какъ могутъ двѣ дамы спать въ этой комнатѣ, вовсе не приспособленной для ночлега... но мой «подвигъ» становился для меня заманчивымъ... Мнѣ казалось, что здѣсь мнѣ суждено увидѣть чтимаго пастыря церкви. Все въ этой комнатѣ свидѣтельствовало о его посѣщеніяхъ: даже портретъ, помѣщенный гдѣ-то возлѣ образовъ доказывалъ, что тутъ онъ уже почти причисленъ къ лику святыхъ.

Взявъ у хозяйки карточку съ адресомъ дома и отдавъ ей свой видъ, я отправилась пѣшкомъ

къ обѣднѣ, которая вѣроятно уже началась въ соборѣ.

Я застала ее на исходѣ. Народу по случаю праздничнаго дня было такъ много, что пришлось остаться въ дверяхъ; входъ съ боку, выходящій на колоннаду съ клироса, былъ также отпертъ настежъ и народъ толпился и тамъ, стоя внѣ собора.

Священникъ говорилъ проповѣдь. Его громкій голосъ гудѣлъ въ сводахъ собора, но словъ нельзя было слышать, оттого-ли, что онъ невнятно произносилъ ихъ, или отъ неудачной акустики храма. Такъ или иначе, сказаннаго имъ нельзя было понять.

Изъ собора я пошла блуждать по городу, гдѣ увидѣла, между прочимъ, пресловутый «Домъ Трудолюбія» и случайно заглянула даже въ кухню и ночлежный пріютъ для богомольцевъ. Это вышло изъ-за моей встрѣчи на улицѣ съ двумя богомолками, обратившимися ко мнѣ съ вопросомъ: гдѣ онѣ могутъ найти пріютъ въ городѣ? и гдѣ я сама живу?»

Я предпочла направить ихъ въ «Домъ Трудолюбія», о которомъ уже слышала. Не безъ затрудненія, я наконецъ узнала его въ большомъ, каменномъ зданіи, занимающемъ цѣлый кварталъ. Это заведеніе воздвигнуто, какъ извѣстно, по инициативѣ и главнымъ образомъ на пожертвованія о. Іоанна и кажется первое, въ этомъ родѣ, въ Россіи. Пройдя, по указанію какого-то прохожаго, съ моими спутницами съ задняго двора дома, мы очутились въ кухнѣ, гдѣ стря-

пало много поваровъ, одѣтыхъ какъ слѣдуетъ въ бѣломъ и въ бѣлыхъ колпакахъ. Такія кухни приходится видѣть лишь въ большихъ ресторанахъ или богатыхъ барскихъ домахъ. Оставивъ тамъ женщинъ, я обогнула, по указанію другого прохожаго, весь домъ и прошла къ его фасаду, гдѣ замѣтила нѣсколько кружекъ на заборѣ полсадика и витрину съ сочиненіями о: Іоанна.

Въ самомъ домѣ передо мною каменная лѣстница во второй этажъ, какія бывають въ хорошихъ, барскихъ домахъ. Дама, отдававшая въ прихожей какія-то приказанія, очевидно, одна изъ распорядительницъ заведенія, отвѣтила мнѣ съ нѣкоторой поспѣшностью, такъ какъ была очень занята, что у нихъ имѣются отдѣльныя комнаты съ платой по 1 р. въ день; у нихъ же можно получать и кушанье. Словомъ, я поняла, что это родъ гостинницы для пріѣзжающихъ къ о. Іоанну богомольцевъ, а тутъ — ея чистая половина. Въ ночлежномъ же домѣ бѣдняки платятъ по 3 коп. съ человѣка и сюда, — на чистую половину, доступа имъ нѣтъ. Просто было бы мнѣ прямо переѣхать сюда. Но *тамъ* — былъ *подвигъ*... а тутъ его не было, Тамъ, думалось, суждено мнѣ увидѣть о. Іоанна. А если я начну переходить съ квартиры на квартиру, то упущу его... Я становилась суевѣрна.

По дорогѣ изъ Дома Трудолюбія, я очутилась на Андреевской улицѣ, гдѣ, какъ мнѣ уже было извѣстно, живетъ о. Іоаннъ.

Не долго думая, я прошла въ ворота церковнаго дома, тесовыя и почернѣвшія отъ времени, и оказалась на дворѣ, кругомъ застроенномъ деревянными, неокрашенными домами, съ простыми, незатѣйливыми крылечками. Впереди меня шла другая дама, тотчасъ свернувшая куда-то влѣво, какъ потомъ оказалось въ квартиру дьячка, сопровождавшаго о. Іоанна по Кронштадту.

Наконецъ, въ самой глубинѣ двора, мнѣ указали на крыльцо о. Іоанна.

Пожилая, полная женщина, должно быть его прислуга, стоя въ дверяхъ, вязала чулокъ.

На мой вопросъ: «пріѣдетъ-ли сегодня о. Іоаннъ?» она отвѣтила довольно рѣзко и почти грубо, что «она не знаетъ».

— Онъ тутъ живетъ,—сказала я, съ благоговѣніемъ заглядывая въ дверь на узкую, косую лѣстницу, какъ теперь помню, окрашенную заново въ ярко-зеленый цвѣтъ.

Съ чувствомъ глубокаго умиленія, смотрѣла я на всю эту простую обстановку частной жизни нашего великаго русскаго молитвенника. Его самого я еще не видѣла и не знала навѣрное увижу-ли? Посмотрѣть хоть на то, какъ и гдѣ онъ живетъ. Здѣсь онъ провелъ долгіе годы, съ самаго начала своего служенія церкви; тутъ, въ этомъ домѣ, онъ молился, онъ себя одолѣлъ... Кто знаетъ, что онъ пережилъ, перечувствовалъ и передумалъ тутъ? Словомъ—это его частный домъ.

Но мои грѣзы были прерваны холоднымъ замѣчаніемъ старухи:

— Его нѣтъ дома.

Не я первая, вѣроятно, стояла въ нѣмомъ благоговѣннѣ передъ этимъ крылечкомъ... Много такихъ барышень и женщинъ, всѣхъ возрастовъ и званій, перебивало здѣсь въ разное время, все съ тѣми же вопросами и съ тѣмъ же упованіемъ... Она вязала чулокъ и смотрѣла *мимо* меня, какъ великіе міра сего смотрятъ на назойливаго просителя... Не то она кого-то поджидала, не то сторожила непрошенныхъ посѣтителей.

— Я это знаю,—отвѣтила я. Хотѣлось видѣть гдѣ живетъ о. Іоаннъ. Можетъ быть, думалось мнѣ, всѣ обѣщанія моей квартирной хозяйки, всѣ мои собственныя надежды—одинъ обманъ?

Въ эту минуту, къ намъ подошли двѣ дѣвицы, очевидно гостыи прислуги о. Іоанна, такъ какъ она любезно встрѣтила ихъ и, сухо раскланявшись со мной, увела ихъ вверхъ по лѣстницѣ.

Я отошла отъ крылечка съ тяжелымъ чувствомъ неудовлетворенія, разочарованія и сомнѣнія.

Я вернулась домой только къ четыремъ часамъ пополудни и застала квартиру полную народа. Въ предназначенной мнѣ «моделънѣ» вполнѣ расположилась разная публика: тутъ была и женщина въ платьѣ, напоминающемъ облаченіе послушницы, и другая, постарше ея—тоже нѣчто среднее между монашкой и сестрой милосердія; были тутъ, среди чистой публики, двѣ пріѣзжія изъ Москвы купчихи.

Объ «монашки», какъ мнѣ показалось, чувствовали себя тутъ какъ дома, помогая хозяйкѣ занимать гостей. Въ сосѣдней комнатѣ и въ кухнѣ, буквально, толпился народъ: простыя бабы, мужчины неизвѣстнаго званія и дѣти, всѣ разговаривали между собою, какъ давно знакомые, сообщали другъ другу свои дорожныя впечатлѣнія, свои надежды и опасенія... Это уже былъ въ полномъ смыслѣ слова—Кронштадтъ отца Іоанна!

Домочадцы поддерживали духъ пріѣзжихъ, общая имъ пріѣздъ «Батюшки». Хозяйка утверждала, что онъ будетъ *навѣрное* и пріѣдетъ послѣ обѣдни прямо къ нимъ, что онъ былъ у нихъ въ свой послѣдній пріѣздъ, что онъ бываетъ у нихъ каждый разъ, а теперь заѣдетъ тѣмъ болѣе, что у нихъ въ квартирѣ есть «болящая».

Въ иной обстановкѣ это извѣстіе не произвело бы особенно хорошаго впечатлѣнія, но тутъ все было какъ-то особенно: хозяева гордились, чуть-что не хвастались этимъ обстоятельствомъ, такъ какъ въ немъ былъ залогъ посѣщенія о. Іоанномъ ихъ квартиры.

Я тоже скоро перезнакомилась съ пестрой публикой моей «моленной», разговаривая съ кѣмъ придется и наконецъ раскрыла купленные мною книжки объ о. Іоаннѣ и начала готовиться къ завтрашнему дню.

Всѣ распорядительницы въ этой квартирѣ, я замѣтила, называли о. Іоанна просто «батюшкой»; для нихъ, повидимому, не существовало на свѣтѣ иного священника...

«Онѣ *служатъ* ему», такъ называли онѣ свою дѣятельность, состоявшую, насколько мнѣ удалось понять, въ посредничествѣ между нимъ и богомольцами; квартиры для богомольцевъ, я потомъ узнала, помѣщались всѣ въ собственныхъ домахъ, такъ какъ ни одинъ домовладѣлецъ не соглашался пустить квартирантомъ содержателя одного изъ безпокойныхъ пріютовъ паломниковъ.

Изъ словъ хозяйки понималось, что всѣ женщины, служащія здѣсь о. Іоанну, чѣмъ-нибудь ему обязаны: для одной — онѣ крестный отецъ, другую — воспитатель на свои средства и т. д. Всѣ онѣ имѣли спокойныя, довольныя лица, кромѣ хозяйки, видимо взволнованной и чѣмъ-то втайнѣ раздраженной.

Прислуга, встрѣтившая меня на пристани, весело работала въ кухнѣ; проще же всѣхъ и потому симпатичнѣе показалась мнѣ дѣвица «въ ряскѣ», какъ я ее мысленно окрестила, въ отличіе отъ другой, дѣвицы «въ платочкѣ». Последняя, видя, что я читаю, начала предлагать мнѣ и всѣмъ намъ духовныя книжечки, сочиненія о. Іоанна, различные акаѳисты. Мы было взяли листки акаѳиста, но потомъ кто-то разсмотрѣлъ, что это было не новое изданіе, такъ какъ въ молитвѣ упоминалось имя покойнаго Государя Александра III, и всѣ, молча, возвратили листки. Московскія купчихи, свекровь съ невѣсткой, оказалось, пріѣхали навѣстить родственника, сшедшаго съ ума, и попросить о. Іоанна помолиться за него. Ихъ привезла въ квартиру, какъ и меня,

та же кухарка и молодая женщина уже фамиллярно называла ее «Машей», приглашала къ себѣ въ гости въ Москву и точно считала ее своей благодѣтельницей.

Въ прихожей послышался звонокъ. Наружная дверь открылась и по направленію къ кухнѣ прошелъ священникъ, въ сопровожденіи, очевидно, попады и дочки. Хозяйка объяснила, съ оттѣнкомъ недружелюбія, что это «какой-то священникъ изъ пригородной церкви, часто пріѣзжающій въ Кронштадтъ для служенія соборне съ о. Іоанномъ. Останавливается онъ у нихъ, всегда въ отдѣльномъ номерѣ».

Присѣвъ къ столу, я начала записывать имена своихъ ближнихъ на купленныхъ мною сегодня въ книжной лавкѣ листкахъ съ надписями: «за здравіе» и «за упокой». На первыхъ было пропечатано имя «іерея Іоанна», а на вторыхъ значились имена: «чтеца Ильи» и «Теодоры», родителей о. Іоанна.

Мнѣ сказали, что на городскомъ кладбищѣ въ Кронштадтѣ, надъ могилой матери о. Іоанна, воздвигнута каменная часовня, куда многіе паломники ходятъ молиться.

Видя, что я что-то записываю, кое-кто началъ подходить ко мнѣ съ просьбой записать на такихъ же, какъ и мои, листкахъ имена ихъ ближнихъ. Началась диктовка длиннаго перечня именъ. Подошла ко мнѣ, наконецъ, и молодень-

кая купчиха. Когда мы дошли до имени ея мужа, она запнулась и затѣмъ рассказала мнѣ, что ея благовѣрный пѣтъ запоемъ и что она желала бы попросить о. Іоанна помолиться объ исцѣленіи отъ этого недуга.

«Напишите: болящаго раба», предлагала она. Мы уже такъ выражались, перенявъ церковный терминъ у хозяйки и окружающихъ насъ.

«Но», возразила я, «вѣдь онъ не просто болящій (это выраженіе намъ нравилось), онъ пѣтъ, говорите вы», добавила я уже безъ церемоній.

Мнѣ казалось, что нельзя обманывать о. Іоанна и къ тому же, что же онъ можетъ изъ этого понять?

Мы недоумѣвали, какъ формулировать этотъ недугъ? Вдругъ мнѣ блеснула мысль.

«Знаете что», сказала я наконецъ, «въ нашей квартирѣ, въ отдѣльномъ нумерѣ, остановился священникъ. Спросимъ его, какъ формулировать недугъ вашего мужа? Онъ долженъ знать эти вещи и, навѣрное, не откажетъ намъ въ совѣтѣ».

«Ахъ, пожалуйста, спросите!» умоляла молодая женщина.

Въ Кронштадтѣ, въ этой «квартирѣ для богомольцевъ», у меня уже явилось другое отношеніе къ людямъ, болѣе простое, такъ сказать братское и потому мнѣ ничего не стоило, пройдя черезъ кухню, постучаться въ дверь комнаты, занимаемой священникомъ.

На мой стукъ откликнулся голосъ и одностворчатая дверь отперлась передо мной. Я во-

шла въ узенькую комнатку съ однимъ окномъ во дворъ. Попадья съ дочкой, дѣвочкой лѣтъ восьми, сидѣли вмѣстѣ на единственной кровати, украшавшей бѣдной обстановкой комнату; а самъ священникъ, сильный брюнетъ, съ короткой бородкой и недлинными волосами, въ одномъ подрысникѣ, любезно пригласилъ меня присѣсть къ столу и тоже сѣлъ противъ меня.

Припоминая впоследствии весь его обликъ, его не особенно симпатичное лицо, тотъ фактъ, что онъ былъ южанинъ, не такъ давно переведенный въ окрестности Петербурга, какъ онъ самъ сообщилъ мнѣ тутъ же, мнѣ не разъ приходило въ голову, не былъ ли это самъ, знаменитый впоследствии, Гапонъ, только начинавшій пробиваться въ люди?..

Конечно, это одно предположеніе, ни на чемъ не основанное, кромѣ, развѣ, нѣкотораго случайнаго сходства съ портретами пресловутаго агитатора, да малороссійскаго происхожденія обонхъ...

Въ краткихъ словахъ я передала своему новому знакомому суть своей просьбы и узнала отъ него, что въ такихъ случаяхъ принято писать «болящій запоемъ»; затѣмъ онъ началъ бесѣдовать о другомъ: спросилъ меня, откуда я пріѣхала? и сообщилъ мнѣ самъ свое мѣстожителство и свою краткую біографію.

Мнѣ казалось, что онъ радъ поболтать съ кѣмъ-нибудь въ этомъ непривѣтливомъ углу. На мой вопросъ: «будетъ ли завтра о. Іоаннъ?» онъ

отвѣтилъ, что «кажется будетъ», и я высказала ему тогда всю мою радость по поводу этого извѣстія.

«Хотите я проведу васъ, вмѣстѣ съ моей женой и дочкой, на клиросъ?» вдругъ предложилъ онъ мнѣ. «Тамъ вы отлично увидите о. Іоанна, только вамъ надо встать вѣремя и пойдѣмте всѣ вмѣстѣ въ соборъ».

Можно себѣ представить, — съ какой радостью я приняла это неожиданное и столь любезное предложеніе!

Казалось, все сложилось благополучно для меня...

Я поблагодарила священника, сказавъ ему, что считаю встрѣчу съ нимъ счастьемъ для себя... и конечно обѣщалась встать вѣремя, чтобы сопутствовать ему съ семействомъ въ соборъ.

Откуда-то слышалось хоровое, молитвенное пѣніе...

«Папа, что же ты не идешь?» пролепетала съ постели дочка священника, «тамъ поютъ молитвы».

Но ни священникъ, ни жена его не тронулись съ мѣста.

Я же простилась съ ними до слѣдующаго утра.

Въ кухнѣ, въ комнатѣ богомольцевъ, вездѣ было пусто... Пѣніе явственно доносилось изъ «моей» молельни.

И въ самомъ дѣлѣ, всѣ жильцы нашей квартиры, за исключеніемъ «болящаго», да священника съ семействомъ, были въ сборѣ; здѣсь и вторили дѣвицѣ «съ платочкомъ на головѣ», стоящей впереди и запѣвающей высокимъ дребезжащимъ голосомъ отдѣльныя строфы молитвы, подхваченной затѣмъ всѣмъ хоромъ. Всѣ пѣли въ унисонъ: мужчины, женщины, дѣти и домочадцы.

Разъ въ квартирѣ находится духовное лицо, отчего, казалось бы, не пригласить его отслужить тутъ настоящую всенощную? Въ душѣ я даже осуждала все происходившее на моихъ глазахъ... Мнѣ представилось это сектантствомъ, чѣмъ-то вродѣ отступленія отъ истинной церкви.

Тогда я еще ничего не знала и не слышала объ «іоаннитахъ», но теперь мнѣ невольно приходится въ голову, что всѣ эти «дѣвицы въ рясахъ и платкахъ» и сама хозяйка этой квартиры, справляющія сами богослуженіе, эта комната-молельня — то были сами «іоанниты», со своимъ алтаремъ и пѣснопѣніями...

Смутно я что-то понимала и что-то чувствовала, когда я вошла въ эту комнату, полную колѣнопреклоненнаго народа. Свѣчи были зажжены въ большомъ паникадилѣ передъ иконой и лампы продолжали горѣть.

Несмотря на все, эта общая молитва настроила торжественно и меня: въ ней чувствовалось приготовленіе къ завтрашнему дню; о. Іоаннъ прійдетъ, будетъ служить и вотъ мы, паломники въ Кронштадтѣ, подготовляемъ себя молитвою

къ счастію его увидѣть. И въ голову не могло придти — выйти изъ этой молельни.

Ставъ на колѣна, я пѣла съ остальными.

По окончаніи пѣснопѣній, хозяйка объявила намъ, что теперь пора ложиться спать, такъ какъ заутреня въ соборѣ начнется въ пять часовъ утра.

Начались приготовленія къ ночлегу. Я была уже такъ настроена, что мнѣ не приходило на умъ спросить, гдѣ и какъ я буду спать?

Прислуга начала втаскивать въ комнату холщевые постельники, набитые соломой и стлать ихъ прямо на полъ во всѣхъ направленіяхъ; они были совершенно холодные, такъ какъ приносились изъ чулана на лѣстницѣ. Мое мѣсто оказалось у окна, передъ дверью въ комнату хозяйки; отовсюду дуло, а въ особенности отъ самаго окна, въ которое, несмотря на октябрь, еще не была вставлена зимняя рама. Почти всѣ мы должны были лечь ногами къ иконѣ, точно покойники... Дѣлать было нечего.

Записавъ имя мужа моей сосѣдки по койкѣ, я легла, конечно въ чемъ была, между обѣими купчихами. Кто-то изъ обитательницъ нашей комнаты еще копошился; продолжали вносить постельники; входили то одна, то другая женщины и безмолвно опускались на колѣна передъ иконою; восковые свѣчи были затушены, но лампы горѣли всю ночь.

Вдали слышался грохотъ колесъ по мостовой; все ближе и ближе приближался онъ къ

намъ и, наконецъ, экипажъ остановился у нашего подъѣзда.

Въ передней раздался звонокъ... Съ одного изъ постельниковъ въ нашей комнатѣ кто-то всталъ и вышелъ.

Мое сердце громко стучало...

Вдругъ это о. Іоаннъ, пріѣхавшій навѣстить нашу больную?

Что не могло вообразиться въ моемъ тогдашнемъ настроеніи!

Черезъ нашу комнату прошла въ корридоръ черная фигура монахини въ высокомъ клобукѣ и скоро хозяйка перешла къ намъ на ночлегъ, сказавъ, что она уступила свою кровать игуменьѣ, только сейчасъ пріѣхавшей на пароходѣ съ о. Іоанномъ.

Значить онъ въ Кронштадтѣ! Онъ будетъ служить!

До сна ли было въ такую ночь?! Я больше не сомкнула глазъ.

Кругомъ все еще было тихо, когда я встала и начала тихонько собираться.

«Еще рано вставать», пробормотала со своей койки хозяйка. Она лежала передъ иконой.

Въ самомъ дѣлѣ, жить всегда этой лихорадочной жизнью, всегда не спать по ночамъ, чтобы поднимать вѣремя богомольцевъ, быть всегда на-юру — можетъ быть доходно, но въ концѣ-концовъ — утомительно.

Съ улицы доносились голоса и разговоры, и мнѣ думалось, что весь Кронштадтъ тоже бодрствуетъ въ эту ночь.

Я была безжалостна къ бѣдной хозяйкѣ.

Было еще темно, когда я тихонько встала и пробралась въ кухню, гдѣ Маша, съ засученными рукавами, уже мѣсила тѣсто.

Богомольцы съ черной половины собирались къ заутрени. Маша уговаривала ихъ идти по черному ходу; одни отвѣтили: «не все ли это одно?» другіе казались слегка оскорбленными такимъ притѣсненіемъ. Наконецъ всѣ ушли.

Священникъ выскочилъ изъ своей комнаты, наскоро умылся подъ краномъ; то же продѣлали за нимъ и попадья съ дочкой; вслѣдъ за нимъ мы всѣ, черезъ нѣсколько минутъ, спускались по лѣстницѣ на улицу. Священникъ торопливо шагаль впереди, а мы почти бѣжали за нимъ по камнямъ мостовой. Было еще темно.

Въ Соборъ мы вошли съ главнаго хода. Къ моему удивленію, цѣлая треть была почему-то отдѣлена сегодня передвижной рѣшеткой. Отчего, казалось, въ день, когда ожидался большой наплывъ народа, уменьшать еще площадь Собора? Недостаточно ли было бы оградить этой рѣшеткой клиросъ отъ вторженія толпы?

Въ лѣвой сторонѣ отъ главнаго алтаря, какъ я уже замѣтила вчера, обновлялся придѣлъ, освященіе котораго было назначено, какъ говорили, на конецъ текущаго мѣсяца. Теперь онъ стоялъ открытый безъ Царскихъ вратъ, служа лишь проходомъ въ средній алтарь.

Заутреня еще не началась. Мой покровитель съ увѣренностью распахнулъ дверцу рѣшетки; но сторожъ, пропустивъ его, задержалъ насъ.

«Это—моя жена...» сказалъ священникъ, указывая неопредѣленно въ нашу сторону... и мы проскочили за рѣшетку, и оттуда на клиросъ.

Священникъ исчезъ въ алтарѣ и мы, торжествующія, заранѣе радовались, какъ мы хорошо увидимъ отсюда о. Іоанна!.. Но увы! торжество наше длилось недолго... Одинъ изъ сторожей попросилъ насъ сойти отсюда.

Смекнувъ, что мой покровитель не пользуется должно быть большимъ авторитетомъ въ этомъ соборѣ, я медленно ретировалась за перила клироса, гдѣ никто не беспокоилъ меня до конца обѣдни.

Но попадья не послѣдовала моему примѣру и тутъ начался настоящій скандалъ: она цѣплялась за чугунную рѣшетку, а сторожъ силой толкалъ ее съ лѣстницы; дѣвочка завопила на весь храмъ: «Мама! мама!..»

Изъ бокового придѣла выбѣжалъ мой знакомый священникъ и, схвативъ за талью свою супругу, началъ отстаивать ее отъ побоевъ сторожа, которому волей-неволей пришлось отступить, хоть и со словами: «вѣдь бываютъ же такіе священники-нахалы!», громко сказанными на всю церковь. Другая дама прошла между тѣмъ безпрепятственно на тотъ же клиросъ; а попадья, какъ я потомъ видѣла, исповѣдалась и подошла къ причастію въ тотъ день; сюда же на клиросъ вышелъ къ ней духовникъ и непонятно было: зачѣмъ ее гнали?

Подобная же сцена произошла уже во время самой обѣдни; женщина изъ толпы хотѣла такъ

же пробраться впередъ и тотъ же сторожъ на-
кинулся на нее... Снова поднялись крики на весь
храмъ.

«Я сидѣлка!» кричала обиженная; но за нее
некому было заступиться. Избитая, она верну-
лась на свое прежнее мѣсто, вся въ слезахъ, Въ
толпѣ былъ слышанъ при этомъ ропотъ: всѣ
видѣли, всѣ замѣчали скандалы и чрезмѣрное
рвеніе церковныхъ сторожей.

Мнѣ уже становилось ясно, что о. Іоаннъ
избѣгаетъ этой толпы, стекающейся къ нему со
всѣхъ концовъ Россіи и ограждаетъ себя всѣми
силами отъ травли, предметомъ которой сталъ
со стороны паломниковъ.

Я еще стояла передъ пустымъ, перестраиваю-
щимся придѣломъ, когда увидѣла проходящаго
сквозь него, въ главный алтарь, священника въ
нарядной шелковой рясѣ, въ лентахъ и орде-
нахъ. Шелъ онъ совсѣмъ одинъ, словно про-
плылъ мимо меня. До послѣдней минуты мнѣ
такъ мало вѣрилось, что я увижу во-очію о. Іоанна,
что только когда промелькнувшая предо мною
фигура скрылась въ алтарѣ, я сообразила, что
это былъ онъ.

Я представляла себѣ его съ исхудавшими
чертами аскета, со строгимъ, пронзительнымъ
выраженіемъ глазъ, чѣмъ-то очень суровымъ...
Я слышала, что многіе не могутъ переносить на
себѣ его взгляда, сознавая, что онъ видитъ
насквозь cadaго человѣка; читаетъ, какъ по
книгѣ, въ душѣ людей. Положимъ, я еще не чув-
ствовала на себѣ его взгляда, но весь его обликъ

не отвѣчалъ созданному мной воображеніемъ представленію о немъ.

Но вотъ онъ появился на клиросѣ. Въ одной эпитрахили, онъ сталъ передъ аналоемъ, налѣво отъ Царскихъ вратъ и началъ читать экаѳистъ.

У него былъ очень звучный, совсѣмъ особенный голосъ, такъ сказать металлическій. Произносилъ онъ слова громко и отчетливо, сопровождая каждое изъ нихъ движеніемъ головы, какъ бы желая подчеркнуть этимъ его значеніе. Читалъ быстро, почти торопливо и, несмотря на громкій звукъ его голоса, трудно было разобрать слова: должно быть, въ самомъ дѣлѣ, акустика Андреевскаго Собора плоха!

Стоялъ о. Іоаннъ лицомъ къ иконостасу и, если бы не это подергиваніе головой при каждомъ словѣ молитвы, ничего особеннаго не было во всей его фигурѣ, ни въ самомъ чтеніи.

Вся остальная служба прошла какъ всякая обыкновенная обѣдня.

О. Іоаннъ не подчеркивалъ никакихъ словъ литургіи, какъ это дѣлаютъ иные священники и, въ общемъ, я нашла, служилъ очень просто, облаченъ онъ былъ, во время обѣдни, въ голубую, парчевую ризу и служилъ въ Соборѣ съ другими священниками, на которыхъ были золотыя, парчевыя же ризы. Онъ выдѣлялся среди нихъ въ своемъ лазуревомъ облаченіи и замѣчательнымъ благообразіемъ своей внѣшности. Съ сильной просѣдою волосы, раздѣленные проборомъ, лежали гладкими прядями по обѣимъ сторонамъ лица, еще не кажушагося старымъ, благодаря

своей изумительной свѣжести и чистотѣ выраженія, не знающей возраста. Всего же болѣе поразила меня въ его лицѣ—безграничная доброта. Это первое впечатлѣніе—не смотря ни на что—не измѣнилось до конца: доброта безконечная, всепрощающая была главной особенностью его выраженія. Только походка тяжелая, словно затрудненная выдавала его преклонныя лѣта.

Я слышала потѣмъ, будто онъ носить вериги и даже спить въ нихъ... Не трудно было повѣрить этому, видя его поступь. Но изъ достовѣрныхъ источниковъ, я узнала современемъ, что веригъ о. Іоаннъ не носилъ.

Обѣдня близилась къ концу. Мое давнишнее желаніе сбылось: я присутствовала при богослуженіи, совершенномъ отцомъ Іоанномъ!

Дальнѣйшее меня смущало и стращало. Что я скажу ему? Какъ объясню? Удастся ли мнѣ это? И если удастся, то какъ страшно будетъ начать!.. И я, малодушная, уже смутно желала, чтобъ свиданіе не состоялось... Его приговоръ былъ заранѣе страшенъ для меня... Я становилась на колѣна и молилась... Но когда онъ появлялся, я вся обращалась въ зрѣніе и слухъ: я боялась упустить его малѣйшія движенія и слова.

Когда народъ началъ подходить ко кресту, переданному о. Іоанномъ другому священнику, я поспѣшила домой, тѣмъ болѣе, что по пути хотѣла купить хлѣба, для окропленія о. Іоанномъ во время молебна. Я замѣтила наканунѣ, что

нѣкоторые изъ нашихъ жильцовъ запаслись, кто фруктами, кто булками съ этой цѣлью.

Наша молеельня была прибрана и многіе богомольцы вернулись домой раньше меня.

Я попросила хозяйку устроить мнѣ особенный молебень и она тотчасъ накрыла столикъ въ своей комнатѣ и поставила на него миску съ водой. Туда же на столикъ я положила купленные мною образки и кипарисовые крестики, хлѣбъ и восковыя свѣчи, изъ числа которыхъ одну затѣпила тотчасъ же.

Тогда хозяйка сказала намъ, что «батюшка не любитъ, когда ставятъ съѣстные припасы на столъ, передъ которымъ онъ служитъ», что «надо ставить провизію на окно», но хлѣба мои какимъ-то образомъ все же остались на столѣ... Я вложила въ конвертъ съ деньгами мою записку; сперва я рѣшила дать за молебень пять рублей, но потомъ обмѣняла ее на десяти-рублевую... Не хотѣлось скузиться въ этомъ случаѣ!

Началось томительное ожиданіе. Мы всѣ разсѣлись вдоль стѣнъ нашей молеельни. Дѣти легли на коврѣ передъ иконой. Мы были натошакъ съ самаго утра. Прислонившись головой къ стѣнѣ, я начала дремать...

Время шло, а о. Іоаннъ все не ѣхалъ къ намъ.

Хозяйка начала серьезно тревожиться, она вышла на улицу и я пошла за ней, но не далѣе лѣстницы, гдѣ присѣла на ступеняхъ; нѣсколько человѣкъ ждало тутъ-же.

Поговаривали, будто сегодня въ одномъ барскомъ домѣ справляютъ именины, куда пригла-

пенъ и о. Іоаннъ. Услышавъ это, я вспомнила даму, вошедшую одновременно со мной въ церковный дворъ и прошедшую прямо къ дьячку. Ужъ не была ли это та «именинница», которая задерживала теперь о. Іоанна?

Мимо меня прошла дочка нашего священника и я спросила ее: «очень ли она испугалась въ церкви?» Она, бѣдненькая, сконфуженно ухмыльнулась при этомъ воспоминаніи...

Скоро я послѣдовала за другими на улицу и начала ходить взадъ и впередъ передъ нашимъ домомъ.

На перекресткѣ народъ заволновался... Хозяйка побѣжала въ нашу сторону...

Нарядныя дрожки на резиновыхъ шинахъ безшумно пересѣкли нашу улицу, не завернувъ въ нее. Красивый вороной рысакъ, извѣстный всему Кронштадту, пронесъ дальше своихъ сѣдоковъ, о. Іоанна съ дьячкомъ.

Мы всѣ пали духомъ. Хозяйка, молча, вернулась къ намъ; я же еще походила по улицѣ. Мнѣ то и дѣло попадались пьяные оборванцы, громко распѣвавшіе молитвы. Ихъ называли тогда «ротой о. Іоанна», которой, будто бы, отъ его имени раздавали милостыню каждое утро.

Утомленная безцѣльной ходьбой, я снова вернулась домой, гдѣ хозяйка объявила намъ всеѣмъ, что «если въ теченіи слѣдующаго получаса о. Іоаннъ не будетъ, то намъ больше нечего ждать его, такъ какъ въ три часа дня отходить его пароходъ и сегодня же вечеромъ онъ уѣзжаетъ въ Ростовъ-на-Дону, откуда вернется только ко

дню своего рожденія, 19 октября, когда назначено освященіе обновленнаго придѣла въ соборѣ».

Опечаленные, мы всѣ даже перестали надѣяться, но тутъ-то именно раздались голоса:

«Пріѣхалъ, пріѣхалъ!» и вся толпа хлынула въ дверь.

Я рѣшилась ждать его у своего столика. Какъ же было мое удивленіе, когда я увидѣла, что тутъ же расположились и обѣ московскія купчихи!

«О. Іоанну можно говорить все при народѣ», сказала мнѣ молодая купчиха. «У него даже исповѣдь бываетъ гласная».

Я это знала безъ нея, но все же считала, что меня какъ-будто обманули...

Тѣмъ временемъ, о. Іоаннъ прошелъ прямо къ больной, а къ намъ все прибывалъ народъ. Для меня больше не было сомнѣнія, что мнѣ не удастся поговорить съ о. Іоанномъ.

Одна изъ домашнихъ внесла шубу о. Іоанна—подарокъ государыни Маріи Ѳеодоровны. Говорили, будто эта соболья шуба была подарена ею взаменъ прежнихъ, отданныхъ бѣднымъ, въ надеждѣ, что царскій подарокъ не потерпитъ той же участи...

Женщина, внесшая шубу, держала ее мѣхомъ вверхъ, глядя съ умиленіемъ мягкіе, пушистые соболя. Казалось, она предлагала богомольцамъ приложиться къ ней... и всѣ мы—я въ томъ числѣ—это исполнили...

Я слышала впослѣдствіи, будто многіе при-

кладывались и къ сидѣнію экипажа о. Іоанна, что даже вызвало его негодованіе.

Сама я этого не видѣла.

Но тутъ вошла хозяйка и что-то шепнула купчихамъ, вслѣдъ за чѣмъ, онѣ дали ей два рубля, какъ я слышала, для дьячка... И я тоже сунула ей въ руку два рубля... зачѣмъ? сама не знала... все въ какой-то надеждѣ, что это поможетъ мнѣ въ моемъ свиданіи съ о. Іоанномъ.

А на всякій случай, я вынула изъ конверта записку и написала на ней, около каждаго имени различные эпитеты... въ концѣ же суть своей просьбы, въ двухъ словахъ.

Въ этой комнатѣ шли и другія приготовленія.

«Игуменья» съ хозяйкой принесли листъ почтовой бумаги, разсуждая о томъ, «что все должно быть готово, на случай,—онъ согласится написать». При этомъ хозяйка заперла на ключъ дверь въ молельню, чтобъ толпа не прорвалась оттуда.

Изъ внутреннихъ комнатъ появился о. Іоаннъ. Всѣ обступили его. Онъ остановился у моего стола, окропилъ его...

На немъ не было ни ризы, ни даже эпитрахили. Я замѣтила, что ростомъ онъ былъ выше средняго.

Народъ началъ напирать на дверь. Я протянула о. Іоанну свой конвертъ; купчиха подала свой.

«Общій молебень», громко произнесъ онъ. Всѣ засуетились. Дверь въ «молельню» распахнулась передъ нимъ. Началось богослуженіе.

Собственно молебна я не помню. Мнѣ пока-

залось, что о. Іоаннъ началъ прямо съ чтенія поданныхъ ему записокъ и именно съ моей. Я слышала имена своихъ ближнихъ и особенно отчетливо произнесенное имъ одно дѣтское имя... Потомъ онъ запнулся. Наступилъ перерывъ, длившійся одно короткое мгновеніе... и онъ началъ читать другія записки...

Не помню окончанія молебна; не знаю такъ же, давалъ ли онъ крестъ? благословилъ ли онъ кого? Знаю только, что мнѣ креста онъ не далъ и что меня онъ не благословилъ и тоже, что на душѣ у меня было очень тяжело. Я чувствовала себя совсѣмъ подавленной.

Изъ «молебни», онъ перешелъ въ комнату хозяйки, гдѣ ему была приготовлена скромная трапеза, какъ теперь помню, большая ватрушка съ творогомъ.

Онъ сѣлъ къ столу, возлѣ стѣны. Вдругъ, откуда ни возьмись, какъ изъ-подъ земли выросли три монашенки, самыя настоящія монашенки, въ форменныхъ рясахъ и клобукахъ. Ихъ не было видно до этой минуты въ нашей квартирѣ.

Онѣ прямо пали на колѣна передъ отцомъ Іоанномъ, умоляя его о чемъ-то. Кто-то изъ домашнихъ подвинулъ къ нему бумагу съ конвертомъ; появилась и чернильница съ перомъ.

О. Іоаннъ отодвинулъ свою тарелку и тотчасъ началъ писать письмо. Я тоже опустилась на колѣна за монашенками, подавленная сознаниемъ своей недостойности... То я смотрѣла на о. Іоанна, чтобы глубже запечатлѣть въ памяти его черты то опускала голову на руки.

Въ теченіе всего этого стоянія на колѣняхъ, я замѣтила его взгляды на мнѣ нѣсколько разъ. Таинственная «игуменья» такъ и не показалась во время пребыванія о. Іоанна въ нашей квартирѣ. Изъ распросовъ его я поняла, что монашенки были за что-то выгнаны изъ обители и просили его ходатайствовать за нихъ. Казалось, онѣ были изъ дальняго монастыря.

Помню, какъ онъ спросилъ ихъ:

«Всѣхъ трехъ», т. е., что выгнали ли ихъ всѣхъ трехъ? на что онѣ чуть слышно пролепетали утвердительный отвѣтъ.

Но онъ не спросилъ, за что постигла ихъ такая участь? Можетъ быть ему было доложено объ этомъ раньше? Не на пароходѣ ли, прошлой ночью?..

Онъ продолжалъ писать. Перо его быстро двигалось по бумагѣ. Изъ-подъ широкаго рукава нарядной рясы выглядывалъ малиновый бархатный обшлагъ.

Наконецъ письмо было окончено, конвертъ надписанъ. На то и на другое всѣ смотрѣли съ умиленіемъ... Иныя цѣловали листокъ.

Я тоже хорошо видѣла письмо, замѣтила подпись: «Вашъ слуга, о. Іоаннъ Сергіевъ», почеркъ, извѣстный по факсимиле, но чуть покрупнѣе.

О. Іоаннъ, я помню, писалъ безъ очковъ. Монашенки, все еще стоя на колѣнахъ, спросили его: «Какъ имъ доставить это письмо, по почтѣ или какъ?»

«Собственноручно, настоятелю».

«Кто долженъ передать его? Кто долженъ бѣжать?»

«Всѣ три».

Затѣмъ о. Іоаннъ быстро всталъ и направился къ двери. Мнѣ показалось, что хозяйка что-то шепнула ему обо мнѣ... Я же успѣла произнести только: «Благословите!»

О. Іоаннъ былъ уже въ дверяхъ; онъ уходилъ... Но такъ же быстро, какъ онъ всталъ и вышелъ, онъ неожиданно обернулся и снова, переступивъ черезъ порогъ, протянулъ мнѣ руку. Все еще стоя на колѣнахъ, я молча приложила къ этой рукѣ. Другія ее перехватили... Все это длилось нѣсколько секундъ и онъ ушелъ. Толпа хлынула за нимъ на улицу; вся квартира разомъ опустѣла.

Когда я встала съ колѣнъ и подошла къ окну, на улицѣ уже не было движенія и дрожки о. Іоанна были повидимому уже далеко.

Возвращающіеся одинъ за другимъ, жильцы наши начинали готовиться въ дорогу. Откуда-то опять появилась «игуменья».

Въ ожиданіи своего вида, я посидѣла еще минутку съ ней и моей квартирной хозяйкой.

Первая рассказала мнѣ, какой приѣмъ бываетъ у о. Іоанна въ Домѣ Трудолюбія въ день его рожденія 19 октября; какъ много привѣтственныхъ рѣчей ему говорятъ въ этотъ день; какъ жена его, почтенная старушка, пріѣзжаетъ къ этому торжеству въ Кронштадтъ, чтобы быть «за хозяйку» на этомъ обѣдѣ.

Теперь она еще въ Ораніенбаумѣ, гдѣ нанимаетъ дачу на лѣтніе мѣсяцы. О. Іоаннъ бываетъ у нея, проѣздомъ». «Игуменья» очень хвалила матушку и въ концѣ-концовъ совѣтовала съѣздить къ ней и передать ей свою просьбу. Но я не была способна на дальнѣйшіе поиски о. Іоанна...

Получивъ наконецъ свой видъ и расплатившись съ хозяйкой по заранѣе установленной таксѣ, я уѣхала на пристань.

Пароходъ былъ уже наготовѣ отплыть. Я поспѣшила въ буфетъ, такъ какъ съ утра еще ничего не ѣла; а когда вернулась на палубу, мы уже плыли мимо Лисьяго Носа. На одной скамьѣ со мной, лицомъ къ морю, сидѣла молодая дама, очень хорошенькая, стройная брюнетка, нарядно одѣтая. Съ ней ѣхали двѣ маленькія дѣвочки, тоже прехорошенькія, вѣрно ея дочери.

«Она тоже была у о. Іоанна», сказала мнѣ она. «Ахъ! да! она видѣла всѣ эти сцены въ соборѣ. Сама она остановилась въ Домѣ Трудолюбія, въ отдѣльной комнатѣ. Она давно знакома съ о. Іоанномъ и возить къ нему иногда на благословеніе своихъ дѣтей. Сегодня онъ просидѣлъ у нея довольно долго, пилъ чай и даже студилъ его въ стаканахъ для дѣвочекъ».

«Пока мы томились въ ожиданіи!» думала я.

«Онъ очень любитъ дѣтей», добавила дама.

Къ намъ подошла женщина изъ числа пассажировъ и обратила наше вниманіе на парня, стоявшаго поодаль отъ насъ.

«Этого молодца обокрали сегодня въ Домѣ

Трудолюбія», сказала она: «вытащили изъ кармана 15 рублей и ему не съ чѣмъ вернуться домой. Ёдетъ онъ изъ-за Москвы».

Кое-кто изъ пассажировъ помогъ парню... Послышались толки, что вотъ за нами идетъ пароходъ о. Іоанна. Многіе встали со своихъ мѣстъ; иные крестились.

Въ самомъ дѣлѣ, насъ нагонялъ маленькій пароходикъ, замѣтно колыхавшійся въ произведенномъ нами волненіи воды.

Мы въѣзжали въ Петербургъ.

«Пойди, сказала я парню», можетъ быть о. Іоаннъ тебѣ поможетъ», но парень только безнадежно махнулъ рукой.

«Онъ—на другую пристань и—до него не дойти никогда!..»

Это, кажется, была правда.

Какое впечатлѣніе, въ общемъ, вынесла я изъ этой поѣздки въ Кронштадтъ? и о самомъ о. Іоаннѣ.

Мнѣ довелось познакомиться тогда съ настоящимъ «Кронштадтомъ о. Іоанна» и мнѣ, говоря по совѣсти, онъ не понравился. Все, что окружало о. Іоанна, начиная съ его личной прислуги и кончая алчнымъ дьячкомъ, загребавшимъ деньги; всѣ эти женщины, служившія великому старцу, эта сомнительная «игуменья», какъ поговаривали въ квартирѣ, сама тоже выгнанная изъ монастыря; все это вмѣстѣ взятое повліяло на впечатлѣніе, произведенное на меня тогда о. Іоанномъ.

Послѣдніе годы звѣзда его меркла, мало-помалу... Одинъ простой народъ, въ недѣли великаго поста, еще посѣщалъ можетъ быть Кронштадтъ; но въ общемъ ряды паломниковъ туда поредѣли... Едвали приходилось подъ конецъ о. Іоанну обороняться отъ толпы.

Скептицизмъ и прежде касался его чудесныхъ исцѣленій; говорили о внушеніи и гипнотизмѣ... а послѣдніе годы о чудесахъ его не стало болѣе слышно.

Я застала о. Іоанна уже старикомъ. Прежняго пылкаго священника, шедшаго на встрѣчу страждущему человѣчеству, писавшаго во время ночного, молитвеннаго бдѣнія вдохновенныя строки «Жизни во Христѣ» я не видѣла: того о. Іоанна уже не было.

О. Іоаннъ послѣдняго десятилѣтія былъ очень усталый, можетъ быть уже больной человѣкъ, хорошо знавшій, что ничего новаго онъ не увидитъ и не услышитъ отъ всѣхъ этихъ людей, бѣгущихъ къ нему... Какъ старецъ «Бенъ-Акиба», онъ вѣрно часто мыслилъ про себя, что «всякое бывало!» при видѣ бѣснующихся кругомъ него женщинъ.

Онъ слышалъ все одну и ту же старую повѣсть!

Гдѣ были люди — тамъ всегда былъ грѣхъ, тотъ грѣхъ, за который духовенство караетъ, но въ концѣ концовъ прощаетъ кающагося.

Прежній о. Іоаннъ, полный энергіи и вѣрившій въ свою миссію, считалъ можетъ быть возмож-

нымъ спасти человѣчество отъ грѣха и горя силой молитвы... Но это человѣчество шло къ нему не всегда за спасеніемъ души... Оно молило о земномъ.

Не я одна, вѣдь почти всѣ просили его помолиться объ исполненіи ихъ земного желанія... либо о здоровьѣ, объ успѣхахъ въ дѣлахъ и предпріятіяхъ. О чемъ только не просили его молиться!

Одинъ господинъ, я знаю это навѣрное, просилъ о. Іоанна помолиться за удачу въ денежномъ предпріятіи...

И о. Іоаннъ исполнилъ его просьбу. Вѣроятно не впервые служилъ онъ подобный молебень... Понятно, что онъ усталъ отъ всего этого. Такое впечатлѣніе произвелъ онъ на меня въ этотъ единственный разъ, когда я видѣла его.

Много повредили о. Іоанну въ общественномъ мнѣніи Кронштадтскіе беспорядки 1905 года. Всѣ ожидали, что онъ появится среди бунтующихъ и силою своего слова, своего великаго имени и вліянія укротитъ страсти... Но этого не было.

Не время, конечно, теперь, надъ свѣжей могилой великаго старца поднимать эти тяжелые вопросы. Я не затронула бы ихъ, еслибъ не считала его личностью исторической, совсѣмъ необыкновенной, надъ разгадкой которой задумаются еще многіе.

Всѣ эти бессмысленныя сплетни по поводу Кронштадтскихъ беспорядковъ и ходившіе по

городу глупые толки о пресловутой «богородицѣ», канули бы сами собою въ вѣчность, будь о. Іоаннъ доступнѣе всѣмъ. Не было бы никакихъ разговоровъ объ убѣленномъ сѣдиною высокочтимомъ духовномъ лицѣ... Но клевета коснулась жизни окруженной тайной... Не отвѣчать же было маститому старцу на всю эту пошлую, злобную болтовню?!

Онъ молчалъ, а клевета росла... Можетъ быть, все это было испытаніемъ, посланнымъ чистой душѣ, подъ конецъ ея земного странствія?

Такъ я понимаю личность о. Іоанна, и потому мнѣ хотѣлось запечатлѣть, земныя черты этого безусловно замѣчательнаго, можетъ быть святаго человѣка, какимъ я видѣла его тогда.

Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей—особенныхъ, для которыхъ, какъ говорится, «законы не писаны», что мы теперь называемъ: «сверхъ-человѣкомъ»...

И еще два слова.

Я сказала выше, что о чудесахъ о. Іоанна не было слышно послѣднее время.

Вотъ одно, не попавшее въ печать. Молодая крестьянка Н. губ., Анна Л.¹⁾, разомъ заболѣла отъ испуга, причиненнаго пожаромъ, формой истеріи: она сдѣлалась, что называется «кликушей». Отецъ ея, теперь уже покойный Л. Ва-

¹⁾ К. уѣзда, дер. К.

сильевъ¹⁾), очень умный и благочестивый мужикъ, испробовавъ все возможное, рѣшился повезти ее къ отцу Ивану.

Это было весной 1900 г.

Остановились они въ Кронштадтѣ въ отдѣльномъ номерѣ Дома Трудолюбія. Въ ихъ комнатѣ, по недостатку въ помѣщеніи, остановился также прѣзжій изъ Архангельской губ. священникъ. Это сосѣдство оказалось счастіемъ для нашихъ прѣзжихъ.

Обходя комнаты «Дома», о. Іоаннъ вошелъ прямо въ ихъ номеръ, къ своему земляку. Онъ разспросилъ отца молодой женщины о родѣ и причинѣ ея болѣзни, затѣмъ сильно сотрясши ее, произнесъ надъ ней молитвенныя заклинанія: больная бросилась ему на шею и онъ долго гладилъ ее по головѣ, успокаивая и утѣшая.

Она исцѣлилась.

Неожиданностью было извѣстіе о смерти о. Іоанна. Въ газетахъ ничего не говорилось особеннаго о его болѣзни и вдругъ—его не стало...

Не стало одного изъ самыхъ великихъ и популярныхъ людей Россіи... о смерти котораго, какъ-то не думалось до этого дня.

И вотъ онъ умеръ, за нѣсколько дней до праздника Р. Х. 1908 года, 20 декабря, рано утромъ.

Дѣйствительно, кто въ самомъ глухомъ углу Россіи не зналъ имени «о. Ивана», какъ по-про-

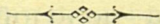
¹⁾ Того-же уѣзда, дер. Г.

сту называлъ его народъ? Кто не видѣлъ его портрета? Кто не посылалъ на своемъ вѣку рублишка въ Кронштадтъ? «Кронштадтъ о. Іоанна» умеръ теперь съ нимъ.

Своего праха онъ не пожелалъ оставить тамъ.

Почему?

На то у него вѣроятно были свои вѣскія причины.

2007080161